

Охотники за новостями: о генеалогии одного социокультурного типажа XVII века

Ключевые слова: нувелист (вестовщик), характер, придворное общество, Антуан де Куртен, Лабрюйер, Феофраст, Элиас.

Аннотация: Во второй половине XVII в. во Франции на страницах учебников хороших манер и сатирических сочинений встречается новый светский «характер», нувелист. Это одновременно любитель и распространитель новостей, но не профессиональный журналист. О том, что типаж воспринимался как новый, говорит появление особого обозначения (слово «нувелист», по видимому, входит в оборот только в XVII в.), хотя нет сомнения, что любовь к новостям не была свойственна исключительно этому периоду. Вопрос в том, почему это происходит именно во второй половине XVII в. Прежде всего, обособлению нувелиста как самостоятельной фигуры способствует публикация латинских переводов «Характеров» Феофраста, где описан соответствующий типаж. Кроме того, в условиях формирования придворного общества и все большего превращения дворянства в праздное сословие распространение новостей заменяет собой реальное участие в политике. Наконец, как подчеркивает ряд наблюдателей, существование нувелистов напрямую связано с жесткой цензурой французской прессы. В своем трактате «О лени» (1673) Антуан де Куртен одним из первых фиксирует черты этого типажа. Его описание, перевод которого публикуется ниже, представляет особый интерес, поскольку оно предшествует выходу «Характеров, или Нравов нынешнего века» Лабрюйера, определивших всю последующую характерологию.

Для цитирования статьи: Неклюдова М. С. Охотники за новостями: о генеалогии одного социокультурного типажа XVII века // Адам & Ева. Альманах гендерной истории. № 32. Москва: ИВИ РАН, 2024. С. 198-214. DOI: 10.32608/2307-8383-2024-32-198-214

Для цитирования перевода: Куртен А. де. О людях, которые тратят жизнь на то, чтобы узнавать и передавать новости / пер. и комм. М. С. Неклюдовой // Адам & Ева. Альманах гендерной истории. № 31. Москва: ИВИ РАН, 2023. С. 215-219. DOI: 10.32608/2307-8383-2024-32-215-219

Статья поступила в редакцию: 20 октября 2024 Принята к печати: 30 октября 2024

M.S. Neklyudova

School of Advanced Studies in the Humanities,
Russian Presidential Academy of
National Economy and Public Administration
ORCID ID 0000-0002-5251-931X
Scopus ID 57195347140
neklyudova-ms@ranepa.ru

NEWS HUNTERS: ON THE GENEALOGY OF A SEVENTEENTH-CENTURY SOCIOCULTURAL TYPE

Keywords: nouvelliste, character, court society, Antoine de Courtin, La Bruyère, Theophrastus, Elias.

Abstract: In the second half of the 17th c. in France, a new type or ‘character’, the nouvelliste, often appears in the pages of good manners manuals and in satirical writings. He is both amateur and disseminator of news, but not a professional journalist. The introduction of a particular appellation (apparently, the word ‘nouvelliste’ came into circulation in the 17th c.) attests to the fact that the type was perceived as new, even if there is little doubt that the love of the news is not specific to any given era. The question is, why did it appear in the second half of the 17th century? Firstly, the emergence of the nouvelliste as an independent figure was facilitated by the publication of Latin translations of Theophrastus’ *Characters*, in which the similar type was described. Secondly, the formation of the ‘court society’ and the increasing transformation of the nobility into an idle class meant that the dissemination of news replaced genuine participation in political life. Finally, as many observers point out, the existence of the nouvelleistes was directly linked to the strict censorship of the French press. In his *Traité de la paresse* (1673), Antoine de Courtin was one of the first to note the characteristics of this type. His description, the translation of which is published below, is particularly interesting because it precedes the publication of La Bruyère’s *Les Caractères ou les Mœurs de ce siècle* which determined all subsequent characterology.

To cite this article: Neklyudova, Maria. “News hunters: on the genealogy of a seventeenth-century sociocultural type.” In *Adam & Eve. Gender History Review*. № 32, 198–214. Moscow: IGH RAS, 2024. (in Russian). DOI: 10.32608/2307-8383-2024-32-198-214

To cite this translation: Courtin, Antoine de “On people who spend their lives learning and reporting the news”, transl. and comm. Maria Neklyudova. In *Adam & Eve. Gender History Review*. № 32, 215–219. Moscow: IGH RAS, 2023. (in Russian). DOI: 10.32608/2307-8383-2024-32-215-219

В 1697 году в иезуитском коллеже Св. Троицы в Лионе был представлен балет «Прелюдии к миру», посвященный переговорам между Францией и «Великим Альянсом», в итоге закончившимся заключением Рисвикского мирного соглашения. Его автор, преподобный Доминик де Колониа, преподаватель риторики в том же коллеже, разбил свое сочинение на четыре части или «прелюдии». Балет открывал Пролог, в котором фигурировали Европа, Испания, Англия, Германия и Франция, а также Надежда. Далее следовала первая прелюдия, «Мир в Италии» («в воздухе на колеснице появляется Гименей, стремящийся установить мир в Италии. Для этого он использует Ужас и Тайну»), затем вторая, «Переговоры в Рисвике» («из недр восстает Политика со своей свитой, чтобы препятствовать мирным переговорам, но Нужда принуждает послов вступить в негоциации»), и третья, «Истощение союзников» («два английских алхимика, видя, что Англии не хватает золота, пытаются произвести его с помощью философского камня»)¹. Однако для нас наибольший интерес представляет четвертая прелюдия, «Слухи о мире», где на сцене появляется Молва (*Renommée*), сопровождаемая Видимостями и Любопытством (первый выход). Она сеет Ложные Слухи, которые, будучи наделены крыльями, разлетаются по всей Европе (второй выход). Газетчики из Голландии и Берна «распространяют сумасбродные известия о мире»² (третий выход). Наконец, «Нувелисты, изголодавшиеся по новостям, бегут за обожаемыми ими голландскими и бернскими газетчиками»³ (четвертый выход). Завершался спектакль явлением истины и общим танцем.

1 **Colonia.** 1697: 13-14, 25, 36.

2 **Colonia.** 1697: 45.

3 **Colonia.** 1697: 47.

Это аллегорическое изображение того, что мы сейчас называем «информационным пространством»⁴, построено на бурлескном смешении классических аллюзий и современных реалий. Как неоднократно отмечали исследователи, описания молвы, которые встречаются в различных сочинениях раннего Нового времени, напрямую связаны с образом богини Fama — такой, какой она предстает в «Метаморфозах» (XII: 39-63) и у ряда других античных авторов⁵. Но если у Овидия брожение слухов не зависит от конкретных распространителей, то у Колониа эта роль отдана газетчикам — конечно, не всем, а только враждебных государств, поскольку французская «Газет» была официальным источником новостей. Дальше эстафету принимают нувелисты, которые, судя по их репликам, ценят эти листки за «предсказания», «политическую глубину», «точные суждения», «тонкую критику», «веселость» и «аттическую соль»⁶. Иначе говоря, перед нами активные потребители тех сведений, которые сообщают неподцензурные издания, и может показаться, что именно это обеспечивает им место в четвертой прелюдии Колониа. Однако зрители, пришедшие посмотреть его балет, знали, что нувелисты не ограничиваются одним чтением.

Нувелист⁷ относится к числу «характеров», которые населяют французскую словесность рубежа XVII-XVIII вв., будь то воспитательные трактаты, моральные или эстетические рассуждения, сатиры или комедии. Лабрюйер опи-

4 О роли нувелистов в более позднюю эпоху см.: Дарнтон. 2009.

5 Walker. 2015: 9-35.

6 Colonia. 1697: 47-48.

7 В русской словесности термин «nouvelliste» может передаваться либо при помощи галлицизма («нувелист»), либо калькой («вестовщик»); я буду использовать первый вариант, но в ряде цитат встречается второй.

сывает его как невежественного критика новых книг, собирателя быстро «протухающих» новостей и любителя порассуждать о политике. По-видимому, именно это побудило Ю. Корнеева и Э. Линецкую перевести «nouvelliste» как «газетчик»⁸. Но перечисленные свойства надо рассматривать как дополнение к «Περὶ λογοπορίας» Феофраста, то есть, согласно переводу самого Лабрюйера, к портрету «нувелиста или рассказчика небылиц»⁹. У античного автора это выдумщик, постоянно расспрашивающий окружающих о новостях и разносящий по городу слухи о якобы выигранных или проигранных сражениях и тайных намерениях властей, не получая от того ни малейшей выгоды. Напротив, страсть к новостям нередко наносит ему ущерб, потому что пока он ораторствует в публичной купальне у него крадут одежды, и, на словах беря города, он пропускает трапезы¹⁰. К этим классическим характеристикам Лабрюйер добавляет интерес к изящной словесности, служащий отличительной чертой современного типажа. Если судить по нувелистам из балета Доминика де Колониа, автор «Характеров, или Нравов нынешнего века» был совершенно прав.

Но тут неизбежно возникает вопрос о соотношении литературной модели и социокультурной реальности: нувелисты из «Прелюдий к миру» восхищаются слогом голландских газетчиков, потому что такой тип поведения действительно встречался в обществе, или потому что Колониа чи-

8 Лабрюйер. 2004: 122-123.

9 La Bruyère. 1691: 18. В современном русском переводе: «Вестовщичество — это измышление ложных историй и известий» (Феофраст. 2010: 20).

10 См.: Феофраст. 2010: 20. Рассуждение про неприятности, которые постигают вестовщика (нувелиста) — позднейшая вставка, по-видимому, принадлежавшая византийскому комментатору, о чем Лабрюйер и его современники не знали.

тал Лабрюйера? Или же преподобный отец использует эту черту из «Характеров, или Нравов нынешнего века», чтобы избежать упоминаний того, о чем пишут голландские газеты? Последнее мне кажется наиболее вероятным. Описание типажей было рассчитано на узнавание, и мы знаем, что современники Лабрюйера искали (и находили) в его сочинении портреты конкретных людей. Хотя сам автор возражал против подобных идентификаций, их существование показывает, что читатели видели сходство даже там, где оно, скорее всего, не предполагалось. Однако античный образец продолжал служить в качестве костяка «характера». Показательным примером этого является другое знаменитое описание нувелистов, на сей раз принадлежащее Монтескье. В «Персидских письмах» он сообщает о «неком племени, которое называют вестовщиками»; его представители собираются в «прекрасном саду» и толкуют о разных материях:

Разговоры их основаны на вздорном и пустом любопытстве: нет такого тайного кабинета, в который они не притязали бы проникнуть; они ни за что не признаются, что чего-либо не знают; им известно, сколько жен у нашего августейшего султана, сколько он ежегодно производит на свет детей [...]. Они руководят любимым полководцем и, расхвалив его за тысячу не сделанных им глупостей, приготовят ему множество других, которых он тоже никогда не совершит.

Армии у них летают, точно журавли, а стены рассыпаются, как картонные; на всех реках у них мосты, всюду в горах — тайные тропы, среди сыпучих песков — огромные склады: не хватает им только здравого смысла¹¹.

Как легко заметить, интересы нувелиста начала XVIII столетия — кабинетные тайны, ход сражений и «планирование» будущих побед, — идентичны тем, что описывал

11 Монтескье. 1956: 297.

Феофраст. Монтеские, перерабатывая античный «характер» в антропологическую зарисовку, обозначает его современность, прежде всего, указанием на массовость явления. Античный персонаж был одиночкой, теперь же речь идет о целом племени со своими обычаями и «зоной обитания». О последней, то есть о привычке нувелистов собираться в одном и том же месте, упоминают и другие сочинители. Судя по свидетельству мадмуазель де Скюдери, а также автора басни «Нувелисты, или лекарство хуже недуга», которая была опубликована в 1690 году¹², это был Люксембургский сад.

Конечно, противопоставление литературной модели и реальности имеет условный характер. Правильней будет сказать, что античный образец позволяет авторам XVII века обособить явление, которое раньше не имело самостоятельного статуса, по крайней мере, на лексическом уровне. Само слово «*nouvelliste*», по-видимому, появляется во французском языке непосредственно в XVII столетии как замена более старому и многозначному «*novelier*»¹³, которое постепенно выходит из оборота. При этом словари начала века — «Тезаурус старого и нового французского языка» Нико (1606), испано-французский словарь Удена (1607), франко-английский словарь Котгрейва (1611) — игнорируют оба термина, хотя упоминают стоящее за ними явление. Так, у Котгрейва есть «*rapport-nouvelle*» — «вестник или переносчик новостей; тот, кто подхватывает любые новости или гоняется за ними, чтобы их сообщить

12 Она вошла в состав сборника «Веселый Эзоп», который был опубликован в Амстердаме. В нем были переводы и подражания Эзопу, принадлежавшие Лафонтену, Фюретьеру и Брюле де Монпленшану (*Esopé*. 1690: 185-187).

13 *Godefroy*. 1888: V. 539.

или превратить в собственные рассказы»¹⁴. Примечательным образом, в англо-французском словаре Роберта Шервуда, который в 1632 году печатается как дополнение к Котгрейву, «a news-monger», прямой лексический аналог «rapport-nouvelle», переводится как «рассказчик новостей; тот, кто не имеет иных занятий как выслушивать и пересказывать новости»¹⁵, то есть без использования соответствующих французских терминов. У Нико, а затем и у Удена в списках устойчивых речевых оборотов фигурирует «rapporteur de fausses nouvelles», разносчик ложных новостей¹⁶, но в отсутствии дефиниций и примеров можно лишь предположить, что это прототип котгреевского «rapport-nouvelle».

Итак, даже если слово «нувелист» уже существовало — а самое раннее его использование в интересующем нас смысле вроде бы датируется 1620-ми годами¹⁷ — оно не стало достаточно ходовым, чтобы быть замеченным лексикографами. Ситуация резко меняется к концу XVII века, когда его фиксируют все толковые словари, от Ришле («тот, кто сообщает новости, кто любит выслушивать, рассказывать и узна-

14 **Cotgrave**. 1611: Sig. Vvv vj.

15 **Cotgrave**. 1632: ll. Sig. Bb^v

16 **Nicot**. 1606: 434; **Oudin**. 1616: ll. Sig. Ll iv^r

17 Обычно в этом качестве приводится сочинение иезуита Этьена Бине «Утешение и радость больных и страдающих» (1616-1617), где он, в частности, описывает глухоту как желанное состояние, которое позволяет не слышать «оскорбления, презрительные слова, вызовы на дуэль, клеветы, назойливые крики, болтовню женщин, шарлатанов нувелистов, нахальных шулеров, ложные вести [...]» (Binet. 1617: 117), однако нет уверенности, что он имел в виду распространителей новостей, а не торговцев фальшивыми «новинками». Показательно, что в письме Морне дю Плесси от 1611 г. Франсуа ван Аарссен тоже употреблял слово «нувелисты», но в смысле «сторонники нововведений» (**Duplessis-Mornay**. 1652: 296).

вать новости»¹⁸) вплоть до словаря Академии («любитель узнавать и сообщать новости»¹⁹). Однако только у Фюретьера мы находим попытку социальной характеристики типажа: «охотник до новостей. Разорившиеся или бездельные дворяне обычно нувелисты или генеалогисты»²⁰.

Наблюдение лексикографа как будто иллюстрирует тезис Норберта Элиаса о понижении роли благородного сословия (прежде всего, родовой аристократии) в управлении государством, которое символически компенсируется принадлежностью ко двору, к высшему обществу, и т.д.²¹ Лишившиеся состояния и не имеющие должностей дворяне начинают заниматься генеалогическими спекуляциями, тем самым подтверждая свое (или своего патрона) место в иерархии, или же демонстрируют осведомленность о ходе дел, которая призвана свидетельствовать об их близости к власти предержавшим. Это отчасти объясняет, почему во второй половине XVII века любители новостей, безусловно встречавшиеся и до того, превращаются в отдельную социокультурную категорию с собственным наименованием.

Действительно, если посмотреть на частоту использования слова «нувелист», то она заметно возрастает к 1670-м годам. Тогда же начинают появляться первые развернутые описания типажа, еще не испытавшие влияния Лабрюйера (первое издание «Характеров, или Нравов нынешнего века» датируется 1687 годом), но очевидно отталкивающиеся от Феофраста. Стоит напомнить, что его «Характеры» были известны образованной публике с 1517 года, когда вышло

18 Richelet. 1680: II. 76.

19 *Le dictionnaire de l'Académie françoise*. 1694: II. 118.

20 Furetière. 1690: II. 748.

21 Элиас. 2002.

их первое латинское издание. За ним последовали публикация оригинала, греко-латинские билингвы, новые латинские переводы, — всего не менее пятнадцать изданий только на протяжении XVI столетия, включая наиболее влиятельные, выпущенные Исааком Казобоном в 1592 и в 1599 году²², которыми пользовался Лабрюйер. Попутно стоит отметить, что латинские версии «Характеров» также свидетельствуют о постепенном обособлении типажа нувелиста. В самом первом переводе, выполненном Лапо да Кастильонкио-младшим приблизительно в 1434 — 1435 году, раздел «Περὶ λοῦποῦιάς» назван «De Vanitate»²³, что подчеркивает идею суетности описываемых в нем занятий (такое название сохраняется в ряде более поздних изданий, порой приписывающих этот перевод Полициано²⁴). Напротив, Казобон называет соответствующий раздел «De Famigeratione»²⁵, сразу же указывая на специфическую функцию типажа и заодно на его связь с *Fama*.

На латинский перевод Казобона, по-видимому, опирался автор одного из самых ранних описаний нувелиста как особого типажа. Оно принадлежало Антуану де Куртону и было включено в его «Трактат о лени, или Искусство с толком распоряжаться временем», который увидел свет в 1673 году²⁶. Но замысел книги и, возможно, ее написание, восходит к предшествующему десятилетию. На это указывает ряд фактов. Так, 16 ноября 1670 года некий «сьер И. М.» — скорее всего, доверенное лицо автора — получил королевские привилегии на публикацию двух сочинений, затем пе-

22 Ebner-Landy. 2022: 668-685.

23 Theophrastus. 1517: 6r.

24 Theophrastus. 1583: 5r.

25 Theophrastus. 1593: 58.

26 Courtin. 1673.

реданные им парижскому издателю Эли Жоссе. Одним из них был «Новый трактат о вежестве, принятом во Франции среди достойных людей», который вышел в 1671 году и стал европейским бестселлером; другим — книга о лени. Трудно сказать, почему издатель ждал два с половиной года перед тем, как отдать ее в печать. Не исключено, что виной тому коммерческий успех «Нового трактата». Уже в 1672 году Жоссе выпускает второе его издание, исправленное и расширенное почти на треть. Работа над дополнениями к «Новому трактату» могла побудить Куртена отложить труд о лени²⁷. Более раннюю датировку подтверждают и упоминаемые в тексте события, в частности, взятие Лилля, о котором как об актуальной новости говорят собеседники. Город был захвачен и присоединен к французским владениям во время летней кампании 1667 года.

В отличие от других сочинений Куртена, «Трактат о лени» был написан в форме разговора, что, как правило, свидетельствовало о намерении автора обратиться к женской аудитории. Его герои, в числе которых несколько дам, собираются в доме богатой вдовы Филаржи и оживленно обсуждают бесполезные занятия и впустую потраченное время. Беседу направляет благочестивый и разумный аббат Феотей, очевидно выражающий точку зрения самого Куртена; ему подыгрывает Анжелика, девушка благородного происхождения, живущая у Филаржи в качестве компаньонки. Еще два персонажа с говорящими именами, молодой

27 Об эволюции «Нового трактата» от первого ко второму изданию см.: Grassi. 1998: 20-25; о соотношении «Нового трактата» и «Трактата о лени»: Bokobza. 2023.

дворянин Зероандр и маркиза Ньентильда, изредка подают реплики²⁸.

Разговор о нувелистах возникает вслед за обсуждением вреда азартных игр, а после него собеседники обращаются к любителям наносить визиты. Тематическое соседство наглядно иллюстрирует неоднозначную природу обсуждаемого явления. Прежде всего, это страсть: не случайно Анжелика называет тех, кто планирует воображаемые сражения, «людьми пылкими» («gens ardens»)²⁹, а Феотей определяет их недуг как «любопытство» («curiosité»)³⁰, то есть, согласно словарной дефиниции, как «желание, страсть видеть и узнавать все новое, тайное, редкое и любопытное»³¹. Поскольку любая страсть подлежит контролю рассудка, Феотей советует ограничивать жажду новостей чтением «Газет», которая публикует «то, что считается уместным для публики»³².

Однако нувелист не только любопытствует, он говорит и, как отмечает Анжелика, порой доходит до осуждения и критики властей. Позднее Ортиг де Воморьер в своем «Искусстве быть приятным в беседе» (1688) выскажется еще яснее:

Есть нувелисты рассуждающие, и есть другие, говорящие дерзко и не отдающие отчет в своих словах. Последние порой попадают в Бастилию и воображают, что такие выходки делают их знаменитыми³³.

28 Все имена указывают на характер персонажей: Филаржи = любящая лень, Феотей = верующий в бога, Анжелика = ангельская, Зероандр = пустой человек, Ньентильда = бездельница.

29 **Courtin.** 1673: 84.

30 **Courtin.** 1673: 82.

31 **Furetière.** 1690: l. 737.

32 **Courtin.** 1673: 89.

33 **Vaumorière.** 1690: 314.

Дерзкие высказывания нувелиста опять-таки объясняются отсутствием самоконтроля, своего рода логореей, которая доводит его до Бастилии, тем самым превращая его самого в предмет для разговоров. Уже в 1690-е годы аббат де Бельгард будет предупреждать об опасностях непрерывного и однообразного говорения, считая его проявлением речевой бесцеремонности: поэты склонны докучать окружающим бесконечным чтением стихов, ученые — рассуждениями на непонятные темы, молодые люди вызывающе грубы, глупцы надоедают постоянным восхищением, критики — недовольством, и т.д. В этом акустическом паноптикуме нувелисты оказываются рядом с балагурами: и те, и другие развлекают слушателей пустяками. В отличие от Куртена, который видел в информационном самоограничении род религиозной и гражданской добродетели, Бельгард напоминал, что нувелисту грозит превращение в полупрофессионального забавника, что приведет к символическому понижению его социального статуса:

Общество желает, чтобы его временами развлекали новостями и слухами, но характер нувелиста вызывает насмешки. Такой род деятельности (profession) принижает человека по сравнению с самим собой³⁴.

Но Куртен, кажется, единственный из писателей-моралистов той эпохи, кто, осуждая нувелистов за отсутствие речевого контроля, попытался объяснить, почему они неизбежно искажают передаваемые ими известия. На замечание Анжелики, что люди по своей натуре склонны ко лжи, Феотей указывает, что воспроизведение информации зависит от памяти и воображения каждого говорящего³⁵. Когда

34 **Bellegarde.** 1696: 206.

35 **Courtin.** 1673: 86-87.

человек, пересказывая новость, по рассеянности путает топонимы, в этом нет злой воли и желания ввести в заблуждение. Однако это не освобождает его от моральной ответственности, поскольку лучше было бы промолчать.

Наблюдения Куртена не оказали заметного влияния на последующую традицию описания нувелистов. По сравнению с другими его сочинениями, «Трактат о лени» имел достаточно скромный успех, о чем свидетельствует количество переизданий (1677, 1693, 1743, 1746) и, по-видимому, единственный перевод на иностранный язык³⁶.

36 Это перевод Микеша Келемена (1690-1761) на венгерский («Az idő jól eltöltésének módja»), который был напечатан лишь в XX в.

Список источников и литературы

Дарнтон. 2009 — Дарнтон Р. Раннее информационное общество: новости и СМИ в XVIII веке в Париже / Пер. Ю.И. Минского // Вестник Московского Университета. Серия Философия. №3. 2009. С. 77-92.

Лабрюйер. 2004 — Лабрюйер Ж. де. Характеры, или Нравы нынешнего века // Ларошфуко Ф. де. Максимы. Лабрюйер Ж. де. Характеры, или Нравы нынешнего века. Сент-Эврмон Ш. де Сент-Дени де. Избранные беседы. Вовенарг Л. де Клапье де. Введение в познание человеческого разума. Размышления и максимы. Шамфор С. Максимы и мысли / Сост., вступ. статья и примеч. М.С. Неклюдовой. М., 2004.

Монтескье. 1956 — Монтескье Ш. Персидские письма / Пер. с французского под ред. Е.А. Гунста. М., 1956.

Феофраст. 2010 — Феофраст. Характеры / Пер. Г.А. Стратановского. СПб.: Азбука-Классика, 2010.

Элиас. 2002 — Элиас Н. Придворное общество. М., 2002.

Bellegarde. 1696 — Bellegarde J.B. M. de. Réflexions sur le ridicule et sur les moyens de l'éviter : où sont représentés les moeurs & les différens caractères des personnes de ce siècle. P., 1696.

Binet. 1617 — Binet E. Consolation et resjouissance pour les malades et personnes affligées. Seconde edition reveüe & augmentée. Rouen, 1617.

Bokobza. 2023 — Bokobza B. Paresse et civilité chez Antoine de Courtin : rapports ambivalents des notions et complémentarité des traités // Littératures classiques. N°112. 2023. P. 79-90.

Colonia. 1697 — Colonia D. de. Les Préludes de la paix, ballet orné de machines et de changements de théâtre. Lyon, 1697.

Cotgrave. 1611 — Cotgrave R. A dictionarie of the French and English Tongues. Compiled by Randal Cotgrave. L., 1611.

Cotgrave. 1632 — Cotgrave R. A Dictionarie of the French and English Tongues. Compiled by Randle Cotgrave. Whereunto is Also Annexed a Most Copious Dictionaire, of the English Set Before the French, by R.S.L. L., 1632.

Courtin. 1673 — Courtin A. de. Traité de la paresse ou l'Art de bien employer le temps. P., 1673.

Duplessis-Mornay. 1652 — Duplessis-Mornay Ph. de. Memoires de messire Philippes de Mornay, seigneur du Plessis Marli, contenans divers discours, instructions, lettres, & depesches par lui dressés, ou escrites aux rois, reines, princes, princesses, siegneurs, & plusieurs grands Amstredam, 1652.

Ebner-Landy. 2022 — Ebner-Landy K. Moral Instruction by Bad Example. The First Latin Translations of Theophrastus' 'Characters' //Renaissance Studies. Vol. 36/ 5. 2022. P. 668–685.

Ésope. 1690 — Ésope en belle humeur, ou Dernière traduction et augmentation de ses fables en prose & en vers. Amsterdam, 1690.

Furetière. 1690 — Furetière A. Dictionnaire universel, contenant généralement tous les mots François tant vieux que modernes. La Haye & Rotterdam, 1690.

Godefroy. 1888 — Godefroy Fr. Dictionnaire de l'ancienne langue française et de tous ses dialectes du IXe au XVe siècle. P., 1888.

Grassi. 1998 — Grassi M.-C. Introduction / Courtin A. de. Nouveau traité de la civilité qui se pratique en France parmi les honnêtes gens. Présentation et notes de Marie-Claire Grassi. Saint-Etienne, 1998. P.11-37.

La Bruyère. 1691 — La Bruyère J. de. Les caractères de Theophraste avec les caracteres ou les moeurs de ce siecle. Sixième édition. P., 1691.

Le dictionnaire de l'Académie française. 1694 — Le dictionnaire de l'Académie française, dédié au Roy. P., 1694.

Nicot. 1606 — Nicot J. Thresor de la langue francoyse, tant ancienne que moderne. P., 1606.

Oudin. 1616 — Oudin C. Tesoro de las dos lenguas francesa y española. Paris, 1616.

Richelet. 1680 — Richelet P. Dictionnaire François : contenant les mots et les choses, plusieurs nouvelles remarques sur la langue française. Genève, 1680.

Theophrastus. 1517 — Theophrasti philosophi inter Graecos doctissimi eiusdemque eloquentissimi, de Characteribus, sive Notis. Libellus aureus. Lapo Castalionculo interprete. Vienne, 1517.

Theophrastus. 1583 — Theophrastou charaktères êthikoi. Theophrasti De notis morum liber singularis, cum facetissimus, tum utilissimus. Cum Angeli Politiani latina interpretatione, à Federico Morello

Parisiensi cum eruditis viris recognita, & octo posterioribus notis, quæ antea desiderabantur, ab eodem in hac editione adaucta. Lutetiae, 1583.

Theophrastus. 1593 — Theophrasti Characteres ethici, siue Descriptiones morum Graecè. Isaacus Casaubonus recensuit, in Latinum sermonem vertit, et Libro commentario illustravit. Cum duplici indice altero rerum & verborum: altero auctorum vtriusque linguae. Lugduni, 1593.

Vaumorière. 1690 — Ortigue de Vaumorière P. d'. L'Art de plaire dans la conversation. P., 1690.

Walker. 2015 — Walker C. Whispering *Fama*: Talk and Reputation in Early Modern Society // *Fama and Her Sisters: Gossip and Rumour in Early Modern Europe* / Ed. Heather Kerr and Claire Walker. Turnhout, 2015. P. 9-35.

REFERENCES

Bokobza, Benjamin. « Paresse et civilité chez Antoine de Courtin : rapports ambivalents des notions et complémentarité des traités ». *Littératures classiques*, N°112 (2023) : 79-90. (In French)

Darnton, Robert. "An Early Information Society: News and the Media in Eighteenth-Century Paris". *The American Historical Review*, 105, no. 1 (2000): 1–35.

Ebner-Landy, Katie. "Moral Instruction by Bad Example. The First Latin Translations of Theophrastus' 'Characters'", *Renaissance Studies*, 36, no. 5 (2022): 668–685.

Elias, Norbert. *Die höfische Gesellschaft. Untersuchungen zur Soziologie des Königtums und der höfischen Aristokratie*. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1983. (In German)

Grassi, Marie-Claire. « Introduction ». In Courtin A. de. *Nouveau traité de la civilité qui se pratique en France parmi les honnêtes gens*. Présentation et notes de Marie-Claire Grassi, 11–37. Saint-Etienne : Pub. De l'Université de Saint-Etienne, 1998. (In French)

Walker, Claire. "Whispering Fama: Talk and Reputation in Early Modern Society." In *Fama and Her Sisters: Gossip and Rumour in Early Modern Europe*, ed. Heather Kerr and Claire Walker, 9–35. Turnhout: Brepols, 2015.